
И крест над церковью плывёт так мирно,
и мне ещё любить тебя так рано.
Кузнечный стрёкот в окружение белом,
так то ли песня, то ли жизнь летела –
теперь признать своё ненахождение,
отсутствие себя в звенящей роще,
искать меня захочешь – не отыщешь,
назвать захочешь – имя не найдёшь.

Бабушки в тёмно-синих пальтишках
гуляют с собачкой,
по снегу плывут к магазинчику,
и за ними тянется
прекрасное прошлое,
из которого всё представлялось будущим:
розовость щёк,
взмах платьев из крепдешина,
запах «Красной Москвы» и мыла.
Вот и синичка на ветке запела –
к оттепели.

Шёл, нёс
в себе меня, и сам весь – я.
Смотрелась – хороша, хороша!
Стал выписывать меня в дневники,
выпускать с дымом самокрутки,
вдыхал, выдыхал меня и – выдышал.
Теперь идёшь –
весь ты,
такой целый,
такой пустой от меня.

Стонет камешек в тугой брусчатке,
постамент у бронзовой повозки,
черепицы красная косынка –
то ли балтов ждали, то ли пруссов,
возвращенья дорогих хозяев.
Смотрит ива, мнётся, гнёт запястья,
и песок у озера – ничейный.
Добрый русский воробей чирикнет
на безлюдье широко и взлётно.
Вот и сердце от любви свободно.

У Маши из девяностых
юбка жёлтая, в пёстрые васильки,
качели подбрасывают коленки,
дедушка охает: «высоко летаешь»
и поправляет кепку.
Она с каждой минутой от меня всё дальше –
уносится на самолёте времени,
и теперь мне почти неведомо,
откуда я здесь, в высоколобой сталинской кухне,
только через сквозняк из форточки
что-то вспомнится
про полёт

вперёд-назад,
назад-вперёд.

Как быстро кончается счастье,
не успеешь заметить.
Утром чистишь машину,
соседке даёшь прикурить,
и чувствуешь: нет его,
хрупкого, как слеза в глазу,
как апрельская веточка на весу.